

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.033

Н. В. Барковская

УДК 821.161.1-1(470.5) + 82'06 + 82.091 *Уральский государственный педагогический университет*
Екатеринбург, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ «СТОЛИЦА — ПРОВИНЦИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ УРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ*

Статья посвящена актуальным проблемам литературной регионалистики. Материал для анализа — 4-й том «Антологии уральской поэзии» (2018), рассмотренный в сопоставлении с 3-м томом (2011) и «Энциклопедией. Уральская поэтическая школа» (2013). Предмет исследования — рефлексия участников уральского поэтического движения над статусом провинциального поэта. Методологической основой статьи, помимо историко-литературного принципа, выступает теория прагматики художественного текста. Уральское поэтическое движение рассматривается в контексте понятий «локальный текст», «региональная литература», «провинциальная (местная, периферийная) культура». Изменение историко-культурных обстоятельств за последние десятилетия в стране и, в частности, на Урале, вызвало трансформацию традиционных представлений об уникальности поэтической личности. Уральское поэтическое движение как проект В. Кальпиди показывает эффективность коллективных стратегий в организации и презентации поэзии. Цель антологий, выходящих каждые 7 лет, не только фиксировать наличное состояние уральской поэзии, но и осмыслить ее развитие, задавать векторы дальнейшего движения. Рассмотрение поэтических и аналитических текстов, включенных в 4-й том «Антологии уральской поэзии», убеждает в последовательности действий, направленных на превращение уральской поэзии в «стендовый проект» для всей российской поэзии. Для определения сути феномена уральского поэтического движения автор статьи обращается к теории акторно-сетевых взаимодействий Бруно Латура. Согласно Латуру, не субъекты определяют движение (перформативы), но движение формирует субъектов. Уральское поэтическое движение можно рассматривать как акторно-сетевое образование, добровольное и динамичное взаимодействие, причем частным жестам и практикам усилиями культуртрегеров придается общий смысл — преодоление дуализма столицы и провинции в самосознании участников движения.

Ключевые слова: современная литература Урала; уральское поэтическое движение; В. Кальпиди; антология; региональная литература; Б. Латур.

Цитирование: Барковская Н. В. Отражение отношений «столица — провинция» в современной уральской поэзии // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 163–180.

Поступила в редакцию 08.03.2019

Принята к печати 18.04.2019

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00205 «Поэт и поэзия в постисторическую эпоху».

Nina V. Barkovskaya

*Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia*

THE REFLECTION OF “CAPITAL – PROVINCE” RELATIONS IN CONTEMPORARY URAL POETRY

This article considers current issues of literary regionalism with reference to the analysis of the fourth volume of the *Anthology of Ural Poetry* (2018) compared with the third volume (2011) and the *Encyclopaedia of the Ural Poetry School* (2013). The subject of the research is the reflection of participants in the Ural poetic movement over the status of a provincial poet. The methodological basis of the article, in addition to the historical-literary principle, is the theory of the pragmatics of a fiction text. The Ural poetic movement is considered in the context of the concepts of local text, regional literature, provincial, local, and peripheral culture. The change in the historical and cultural circumstances over the past decades in the country and in the Urals in particular has caused a transformation of traditional ideas about the uniqueness of a poetic personality. The Ural Poetry School as a project of V. Kalpidi shows the effectiveness of collective strategies in organising and presenting poetry. The goal of the anthologies issued every seven years is not only to fix the current state of Ural poetry but also to comprehend its development and set the directions of further progression. The consideration of the poetic and analytical texts included in the fourth volume of the anthology of Ural poetry convinces us of the sequence of actions aimed at turning Ural poetry into a “poster project” for all Russian poetry. To determine the essence of the Ural Poetry School phenomenon, the author of the article refers to the theory of actor-network interactions by Bruno Latour. According to Latour, it is not subjects that define movement (performatives), but movement forms subjects. The Ural Poetry School can be viewed as actor-networked education, voluntary and dynamic interaction, and common meaning is given to common gestures and practices by the efforts of Kulturträger — overcoming the dualism of the capital and the province in the participants’ self-awareness.

Key words: modern Ural literature; Ural poetry movement; V. Kalpidi; anthology; regional literature; B. Latour.

Acknowledgements

The article was sponsored by the *Russian Science Foundation*, project 19-18-00205 “The Poet and Poetry in the Post-Historical Era”.

Citation: Barkovskaya, N. V. (2019). Otrazhenie otnoshenii “stolitsa – provintsii” v sovremennoi ural’skoi poezii [The Reflection of “Capital – Province” Relations in Contemporary Ural Poetry]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 163–180.

Submitted on 08 March, 2019

Accepted on 18 April, 2019

Самое, пожалуй, заметное явление в современной литературе Урала — так называемое Уральское поэтическое движение (УПД), инициатором, идеологом и лидером которого выступил поэт и культуртрегер В. О. Кальпиди. В 2018 г. вышел из печати 4-й том «Антологии уральской поэзии». По замыслу Кальпиди, антологии должны выходить каждые 7 лет и давать моментальный срез состояния поэзии в регионе, а значит — и запечатлеть в «стоп-кадре» (по выражению Кальпиди) мироощущение уральцев в избранный момент времени. Уникальность УПД заключается уже в том, что это проект, длящийся уже более четверти века: 11 книг серии КПК («Классики пермской поэзии») были выпущены еще в 1992–1993 гг. Отметим, что 1990–2010-е гг. — это эпоха резкого слома в истории страны, смены приоритетов, радикального изменения практик повседневности. На сегодняшний день, помимо четырех антологий уральской поэзии (1996, 2003, 2011, 2018), издана также «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа» (2013), десятки поэтических сборников; проведен целый веер сопутствующих акций и мероприятий: чтения, презентации, конференции, круглые столы. Так, в октябре 2018 г. состоялся круглый стол, посвященный выходу 4-го тома антологии: «Проект АСУП как драйвер уральского поэтического движения». Успешно функционирует соответствующий сайт, в 2018 г. была защищена кандидатская диссертация Е. А. Смышляева «Современная поэзия Челябинска как локальный текст». Можно согласиться с мнением лидера движения В. О. Кальпиди: «УПШ (Уральская поэтическая школа. — Н. Б.) сегодня <...> это еще и стендовая модель всей русской поэзии...» [Антология..., 2018, с. 11]. Уральскому поэтическому движению посвящен целый ряд статей [Подлубнова, 2015; 2018; Сафронова]. С оценкой Кальпиди солидаризируется Т. Ф. Семьян, полагающая, что региональная литература сегодня стала полноценным участником общего культурного и литературного процесса, представляет отечественную литературу на мировом уровне, отвечает современной стилистике, ритмам и вызовам времени [Семьян]. Значение данного проекта выходит за рамки «только» поэзии. Постараемся показать, как УПД влияет на формирование культуры региона и создает самоидентичность авторов-поэтов и их читателей. В этом плане особенно значима репрезентация отношений столицы и провинции в творчестве поэтов-уральцев.

По понятным причинам интерес к региональной литературе активизировался как раз в 1990-е гг. Появился целый ряд исследований, посвященных локальным «текстам» культуры: помимо классических трудов В. Н. Топорова [2003] и Ю. М. Лотмана [1996] о «петербургском тексте» и более поздней книги «Пермь как текст» В. В. Абашева [2000, см. также: Абашев, 2012], предпринимались исследования «крымского текста», «московского текста», «алтайского текста», «северного текста», «сибирского текста» и мн. др. Теоретическому осмыслению понятие «городской текст» подверглось в работах Н. Е. Меднис [2003], Л. Потаниной и М. А. Гололобова [2012], Е. Ш. Галимовой [2012].

Есть труды, посвященные непосредственно феномену провинции: сборник статей «Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты»

[2004], монография Е. Н. Эртнер «Феноменология провинции в русской прозе конца XIX — начала XX века» [2005]. Но больше всего материала дают сами четыре антологии и Энциклопедия УПШ, поскольку, кроме текстов стихотворений и сведений об авторах, тома снабжены комментариями, раскрывающими цель и задачи издания, принципы подбора авторов, структурирования материала и другие аспекты УПД.

Оговоримся, что формируемый УПД «уральский текст» не равен уральской литературе (поэзии). Уральская литература — совокупность произведений, созданных авторами (по преимуществу, уральцами или бывавшими на Урале), моделирующих художественный образ Урала. Многотомная история литературы Урала создается в Институте истории и археологии УрО РАН под руководством Е. К. Созиной [История литературы Урала]. Но Уральское поэтическое движение — не история литературы, а сегодняшний проект, не совокупность текстов, а система действий, акций, перформансов, конструирующих уральский культурный ландшафт и чувство «уральскости».

Топоним, содержащийся в названии поэтического движения, неизбежно соотносит его с локальной / провинциальной / региональной / местной литературой и культурой. Есть ли принципиальная разница в этих понятиях? Наиболее подробно понятийный аппарат освещен применительно к «сибирскому тексту» в русской литературе.

В. И. Тюпа осмыслил специфику «сибирского текста» в неомифологическом аспекте. Исследователь полагает, что Сибирь может быть интерпретирована как пространство инициации, т. е. временной смерти и последующего возрождения, страна холода, зимы, ночи. При таком восприятии включается трансгисторический механизм культурной памяти [Тюпа]. Со ссылкой на В. Тэрнера, В. И. Тюпа напоминает, что лиминальное состояние может ассоциироваться не только со смертью, но и с внутриутробным существованием.

К. В. Анисимов, редактор и автор вступительной статьи к коллективной монографии «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве», под «сибирским текстом» понимает аутентичную локальную словесность, формирующуюся на базе территориальной идентичности и интегрированную в громадную империю [Сибирский текст..., с. 3]. Ученый полагает, что его «территориальный подход» не противоречит мифологической интерпретации, предложенной В. И. Тюпой, но дополняет ее. По мнению К. В. Анисимова, понятие «провинция» неудачно, так как может провоцировать соблазн «самобытности», а то и «центральности». Адекватнее, считает автор, использовать понятие «регион». Возражает он и против понятия «периферия». Если провинция воспринимается как вариант «своего», то периферия предполагает «чужое», «иностранное». К. В. Анисимов усматривает сложность представлений о Сибири: это не только край света, как утвердилось в тривиальных мифах массового сознания, но и край, относительно свободный от крепостного права, край со своей экономикой, климатом, местной культурой. В истории происходили процессы культурного отчуждения и присвоения Сибири.

Именно периферийность считает качеством провинциального хронотопа И. Петраков, но вкладывает в слово *провинциальный* не столько географическое, сколько нравственно-оценочное значение: «“Провинциальный” — указание на удаленность города от культурных и экономических центров государства, отчужденность от элитарного» [Петраков]. В творчестве М. Горького, по мнению И. Петракова, в оппозиции свободы и не-свободы провинциальный город, как и город вообще, олицетворяет тюрьму. Во всяком случае, провинциальное пространство замкнуто и изолировано от остального мира, это пространство хаоса и тоски-скуки.

Отметим, что Урал в массовом сознании не периферия, а «опорный край державы», топоним *Урал* народная этимология связывает со словом «пояс»: Уральские горы скрепили землю, чтоб она прочно стояла, не тряслась, пояс охватывает-укрепляет середину туловища. Кроме того, Урал не только соотносим с западом и востоком как сторонами света, но и тянется с севера на юг, что опять-таки не позволяет рассматривать его как «окраину», «периферию».

Подробно исследует историю бытования понятия «провинция» М. Я. Спивак. Вышедшее из употребления в 1930-х гг., слово *провинция* вернулось в СМИ и маркетинг в постсоветское время, став картой в политической игре регионов. По мнению М. Я. Спивак, понятие «регион», употребляемое Центром, более политкорректно, на местах же предпочитают говорить о «провинции», видя в ней большую самостоятельность от Москвы [Спивак]. Таким образом, понятие «провинция» наполняется различным содержанием в разных историко-культурных и политических контекстах. Отметим, что в 2002–2004 гг. в Екатеринбурге проходил ряд мероприятий «Культурная инициатива “Антипровинция”» (куратор Василий Чепелев) [Антология, 2018, с. 759].

Менялось не только осмысление понятия «провинция», но и сам Урал, впрочем, как и другие регионы и города. Так, Е. А. Попова и О. С. Шурупова отмечают, например, изменения в «московском тексте»: если в начале XX в. сложились три варианта: Москва сакральная, Москва праздничная, Москва бесовская, то ныне они вытесняются отталкивающим образом задыхающегося мегаполиса, города-монстра [Попова, Шурупова, с. 41].

В 2004 г. М. П. Абашева констатировала на основании интервью с писателями, что для пермских авторов устойчива оппозиция *столица — провинция*. Поэтами старшего поколения провинция осмысляется как хранилище нравственных, духовных ценностей — в противовес столичной суете, но вот для самих себя, как жителей Перми, провинция кажется замкнутой, душающей средой. У более молодых авторов, вошедших в литературу в 1980-е гг., оппозиция со столицей расшатывается, а провинция предстает позитивно окрашенной: это родная земля, место, отмеченное мистическими смыслами. По мнению исследовательницы, для пермяков было важно противопоставить себя Екатеринбургу, которому свойственно ценить не природу, а культуру и прогресс, не миф, а историю. Впрочем, М. П. Абашева отмечает и такую обобщенную самоидентификацию, как «уралец» [Абашева].

В «Энциклопедии УПШ» (охватывающей период с 1981 по 2012 гг.) присутствует раздел «Уральский треугольник: город как место входа». В разделе помещены три эссе о городах, причем, это тексты, написанные еще в 1995 г. Вячеслав Раков пишет о Перми, рассматривая город в исторической перспективе. Изначально пермская земля реализовывала сценарий окраины, с ее самобытностью и относительной самостоятельностью от центра. Но в XVIII в. за регионом закрепился новый статус «промышленной колонии», определивший, как считает автор, имидж Урала на два столетия вперед. XIX в. ввел жизнь в более спокойное русло «вторичной цивилизованности», и начался век *«неоколониального провинциализма»*, закончившийся на рубеже XIX–XX вв., когда Пермь выросла в крупный город, нуждающийся в культурном самоопределении. Однако в XX в. Центр из авторитарного стал тоталитарным (сменилось и имя города) [Энциклопедия, с. 33]. Советская Пермь уже не провинция, а вдвойне колония («зона» и закрытый город). Центральная тема в истории Пермской идеи — тема культурного выживания, заключает свое эссе В. Раков.

Николай Болдырев, написавший о Челябинске («Челябе»), полагает, что этот город — провинция, лишенная укорененных культурных смыслов, следовательно, дает простор для творчества культурного ландшафта. Вячеслав Курицын, уже тогда, в 1995 г., в эссе о Свердловске-Екатеринбурге писал, что город должен существовать сам по себе, а не в связи с извечной российской оппозицией «столица — провинция» [Там же, с. 55]. Настоящий город не нуждается в признании со стороны столиц, не нуждается в сравнении с ними¹.

Пробуя определить основную идею Екатеринбурга, В. Курицын называет идею строительства, созидания (не бунта и разрушения): не случайно, полагает критик, в городе так много образцов архитектуры конструктивизма. Для сравнения заметим, что сам В. Кальпиди в этой же энциклопедии характеризует Екатеринбург как город Стёба и Прокола, город-юродивый [Энциклопедия, с. 437].

Д. Н. Замятин формулирует задачу современной геопоэтики как поиск привлекательных и эффективных образов Зауралья, способных ментально «развернуть» страну к востоку, в сторону Сибири, чтобы перенести метагеографический «центр тяжести» за Урал [Замятин, с. 11]. Урал исследователь характеризует как особый «психологический комплекс» русской культуры: «...система устойчивых пространственных представлений об Урале, позиционирующих этот район не как традиционную границу между Европейской Россией и Сибирью, Европейской и Азиатской Россией, но как настоящий, истинный новый центр России и российской “цивилизации”» [Там же, с. 21]. Уже с античности, полагает Д. Н. Замятин, происходило становление пространственных образов Урала, а к середине XX в. локальная мифология достаточно хорошо сформировалась. Исследователь

¹ Блогер Илья Варламов в публикации «Плохой Екатеринбург» (2014) писал, что Екатеринбург «явно выживает, пока Москва и Питер спорят за звание столицы, чтобы в удачный момент обойти всех на пороге и стать новой столицей вставшей с колен России» [Варламов]. Подобное мнение можно отнести к «банальным мифам».

считает оправданными попытки (в том числе, уральское областничество в годы Гражданской войны и при распаде Советского Союза) осмыслить Урал как «ядерное пространство», определяющее перспективы исторического развития гораздо более крупных территорий — России, Северной Евразии, Евразии в целом» [Замятин, с. 21–22]. Как видим, вектор осмысления Урала уходит все дальше от понятий «окраина», «периферия», «провинция».

Как представлено соотношение столицы и провинции в уральском поэтическом движении? Учитывая ограниченность объема статьи, мы сопоставим только 3-й и 4-й тома «Антологии УПД», привлекая также материал «Энциклопедии УПШ».

В поэтических текстах 3-го тома встречается вполне традиционное негативное восприятие провинции:

На крышах шадринских лежит столетний снег,
На лицах шадринцев — печаль вселенской скуки.
Так продолжается уже четвертый век
По точным данным краеведческой науки.

Сергей Борисов [Антология, 2011, с. 34]

...жизнь проходит...
по фэн-шую...
слева — кладбище...
тюрьма — справа...
на чаёк подую.
— это... родина... зима.

Вадим Дулепов [Там же, с. 78]

Но есть и другое чувство, другое желание — ощутить себя в сердцевине страны:

И, подвигав переносицу,
Мы решим не пить три месяца —
И столица переместится
К Соликамску за околицу.

Антон Бахарев-Чернёнок [Там же, с. 23]

...ненавидим ты и единственен,
город Че.

Янис Грантс [Там же, с. 62]

В Москве гроза. Здесь — дождь такой домашний,
такой домашний и такой унылый,
сегодняшний такой же, как вчерашний,
позавчерашний, нудный и постылый.
<...> О, если бы я мог, я бы бескровно,
не расплескав, предельно осторожно
переместил бы ливень подмосковный
сюда, что абсолютно невозможно.

Олег Дозморов [Там же, с. 66]

У одного из самых молодых авторов 3-го тома антологии, Никиты Иванова, более радикальный жест: он в принципе отталкивается от столиц ввиду их равнодушия к отдельно взятому человеку:

Город над вольной Невой
 Процентов восемьдесят моих знакомых,
 практически все те, кто вообще о чем-нибудь мечтает,
 собираются переехать жить в Питер.
 Говорят: «Это мой город! Я там себя чувствую комфортно!»
 Если у них спросить: «Что ты там будешь делать?»

<...>

Они говорят о красоте Питера

<...>

Так вот — я всегда вспоминаю картинку из числа тех, которые
 распространяются в интернете,
 на которой куча мужиков толкает сломанный троллейбус
 с рекламой на нем «Переезжайте жить в Санкт-Петербург!»,
 и думаю: переезжайте, станет значительно свободней.
 Переезжайте, там таблетки по сто рублей в розницу!

Никита Иванов [Антология, 2011, с. 101]

Завершается текст еще одним «наглядным примером»: представители культурной столицы ринулись на поле с трибун отмечать победу команды «Зенит» и затоптали потерявшего сознание «молодого мента»:

На заднем плане были видны Михаил Боярский в шарфе «Зенита»
 и президент питерского футбольного клуба,
 топ-менеджер «Газпрома», который руководит этим направлением
 утилизации государственных денег.

Никита Иванов [Там же]

Виталий Кальпиди вспоминает, что в 1996 г. задачей гуманитарного фонда «Галерея» была интеграция уральской литературы в общероссийский контекст, однако он полагает, что есть смысл развивать прежде всего региональную культуру [Энциклопедия, с. 433–436]. В той же «Энциклопедии УПШ» Кальпиди публикует «Кодекс провинциального поэта», один из пунктов которого говорит о соблазнах Москвы: провинция печальна и скучна, а Москва предлагает издательские, премиальные, комментаторские ресурсы, соблазняет наличием многопрофильной публики. Тон Кальпиди саркастичен: «Иллюзия значимости происходящего в “Москве” для п/п — грандиозна. Смешно, что и для самих “москвичей” эта иллюзия тоже реальна» [Там же, с. 555]. Кальпиди отмечает и абсолютную неосведомленность московского информационного пространства в деталях провинциальной жизни («нецивилизованная дикость»), тогда как образованный провинциал вполне представляет себе московский культурный контекст. В качестве наставника Кальпиди учит: «...оказаться внутри очень большого предмета

(например, в Москве) и думать, что ты от элементарного перемещения становишься больше — наивность, граничащая со слабоумием, поскольку очевидные законы сомасштабности утверждают обратное» [Энциклопедия, с. 555]. Именно провинция, уверен Кальпиди, дает простор культурному творчеству.

Определенные итоги этого творчества «культурного ландшафта» подводит 4-й том антологии [Антология, 2018]. Уральская поэтическая школа начиналась как проект «трех городов» (Пермь, Челябинск, Екатеринбург). Однако последний том антологии снимает такое локальное разделение, поскольку гораздо важнее представить поэтическое движение как *общеуральский* феномен. Произошел отказ и от поколенческого принципа в расположении текстов, теперь стихотворения располагаются просто в алфавитном порядке фамилий авторов.

Нарастает масштаб антологий (формируется «средний культурный уровень», прирастает «культурный слой»): в 3-м томе были представлены 75 поэтов, в 4-м — 120. Серьезнее стало отношение к критической рефлексии: 3-й том уже включал краткие аналитические сведения об авторах, к обсуждению 4-го тома были привлечены и критики, и литературоведы, помимо собственно подборок стихов, в антологию вошли разделы: вступление, справочные материалы, включающие биографии поэтов, их культурную историю, раздел о культуртрегерской деятельности.

Интересно, что изменилась «диалогическая» установка антологий: во 2-м томе Кальпиди утверждал, что «уральская поэзия в массе своей не конструктивна для диалога с европейской поэтической культурой» [Антология, 2003, с. 15], а 4-й том содержит целый раздел «Современные зарубежные поэты в переводах, вариациях, мотивных переложениях уральских авторов. Уральская школа поэтических взаимодействий». Уральская поэтическая школа вступила в диалог с поэзией Беларуси, Украины, Польши, Германии, Англии, Венгрии, Испании, Индии, Италии, Литвы, Казахстана, Чехии, Эстонии, США и др. Такая установка свидетельствует о зрелости «собственного лица» УПШ, преодолении комплекса «провинциальности», свободе в выборе «собеседников», открытости, независимости и солидарности. Виталий Кальпиди по-прежнему считает, что национальная культура — всегда монолог, диалог невозможен. Придумав «международный» раздел в антологии, он ставил перед участниками цели не литературно-переводческие, а инфраструктурные: это стартовая площадка для «международной поэтической корпорации, основой которой будут не поэтические произведения, а *поэтические отношения*, создающие естественным путем зону *поэтического доверия*. <...> Цель международной поэтической корпорации — предложить некатастрофический сценарий развития человечества, позитивно ответив на все актуальные вопросы современного цивилизационного этапа» [Антология, 2018, с. 9].

Задумываясь над тем, есть ли некие специфические черты у уральской поэзии, Кальпиди отбрасывает банальные стереотипы, вроде неременной уральской «брутальности», и заявляет, что «все отличительные черты современной русской поэзии являются отличительными чертами и современной

уральской поэзии» [Антология, 2018, с. 11]. Более того, УПШ позиционируется им как «стендовая модель всей русской поэзии»: «Именно ее использование в больших стратегических культурных акциях более чем оправдано с точки зрения моделирования уже не просто поэтической, а всей культурной ситуации в стране» [Там же]. Таким образом, сегодня уральская поэзия является, по мысли Кальпиди, не провинциальной, а провиденциальной, ответственной за судьбы страны — не претендуя на «столичность», но чувствуя себя важным сектором общероссийского поэтического пространства.

Хотелось бы отметить также упорную борьбу Кальпиди с расхожим представлением о поэте как маргинале, асоциальном субъекте с девиантным поведением, склонном к суициду. В «Кодексе провинциального поэта» Кальпиди настаивал на *взрослом*, ответственном отношении автора к своей жизни и к своему творчеству. Вот некоторые пункты из «Кодекса...»:

- п/п должен быть всегда трезв;
- п/п должен быть экономически свободен;
- п/п должен принять свою судьбу и не подменять ее карьерной автобиографией;
- <...>

— п/п должен понимать, что московские поэты тоже провинциалы, поскольку также далеко отстоят от конечной цели своего пути, как и п/п, хотя не всегда догадываются об этом, поэтому (в качестве бонуса) нужно относиться к ним сочувственно [Энциклопедия, с. 559].

Посмотрим далее, как отразились декларации лидера УПД на поэтической практике авторов, включенных в 4-й том антологии.

1. К концу 2010-х гг. изменяется само представление об Урале как «опорном крае державы», что, без сомнения, отражает процессы, происходящие в экономической и социальной действительности. Так, Е. В. Милюкова отмечала сквозные мотивы огня и железа в творчестве самостоятельных поэтов южного Урала, ключевую роль локусов «завод» и «цех», частую рифму Урал — металл [Милюкова]. В современной уральской поэзии завод почти не упоминается, гораздо большее место занимает вода: река, озеро, дождь, пруд, с закрепленной в мифопоэтике семантикой женского и женственного, первичной творящей материи. Особенно характерны в этом отношении тексты авторов из Екатеринбурга и Каслей — Кыштыма (напр.: *«урановое лукоморье»* Озерска [Антология, 2018, с. 190], а то и сказочные *«молочные реки»* с *«клюквенными берегами»* [Там же, с. 16]). Напомним, что еще в эссе 1995 г. Вячеслав Раков писал об эмансипации уральской культурной среды в постсоветские годы от промышленных императивов [Энциклопедия, с. 33]. Деконструкция мифов советского времени носит порой эпатажирующий характер, как в стихотворении «Урал, Урал — обманщик, балабол...» Евгения Касимова:

О порнокрай! Опорный край страны!

Упорный край задумчивой державы...

Евгений Касимов [Антология, 2018, с. 243]

2. Провинцией (часто — «у моря», с отсылкой к Бродскому и Овидию) видится вся страна — по отношению к Москве и по отношению к Европе:

...хоть прикуривай, в небе европы пылает закат,
а над нами плывут непонятного рода обломки,
словно мусор, сметённый великим таджиком за мкд.
вот бери в свои две это всё и без памяти комкай...

Братья Бажовы и сестра их Варвара [Антология, 2018, с. 63]

Этот же анонимный «автор» пишет:

...незачем быть маргинальным,
когда нас таких миллиард.

Братья Бажовы и сестра их Варвара [Там же, с. 66]

Выживание («клиническая жизнь») трактуется как удел всей «украденной» страны. Сохраняется мотив холода: «Поперёк необъятной холодной зимы / мы условно живём, умираем условно» [Там же, с. 245].

Но не менее часто встречается образ «любимой провинции», «занявшей вакансию плаценты» [Там же, с. 212, 211]. Старые кварталы хранят память истории:

Видится: Ленин кудрявый и русый,
Галстуки, планы, колхозы, ситро...

<...>

Слишком любить эту старую землю,
Слишком... почти ненавидеть ее.

[Антология, 2018, с. 298]

Это не ностальгия по советскому режиму, но дань памяти тем людям, которым довелось жить и работать в годы первых пятилеток. Разрушающиеся корпуса заводов, ржавые рельсы, заброшенный кинотеатр предстают своеобразными «местами памяти», если вспомнить Пьера Нора [Нора]. О. Н. Бушмакина пишет: «Социальная память оказывается не столько репрезентацией исторических событий, сколько их реконструкцией, реинтерпретацией или, собственно, конструкцией самоопределяющейся субъективности. Коллективная память из сферы репрезентации вытесняется в сферу воображаемого, дискурсивного, символического» [Бушмакина, с. 31–32]. Денис Колчин жалеет не только о старом кинотеатре, но и об энтузиазме строителей Уралмаша, и о понятии «рабочая честь» времен славного УЗТМ — «отца заводов».

Кинотеатр «Темп» — уралмашевский Сталинград.
выжжен, полуразрушен. Держится из последних.
Который год держится. Он ведь не виноват —
бросили, не спросили. Сам себе проповедник
бесконечной стойкости. Кто ему запретит?

Тихая оборона — участь, беда, живучесть.
 Передохнуть между атаками, внешний вид
 малость подрихтовать — теория, благоглупость
 когда дербанит окружающая среда,
 когда одновременно время ведет подкопы.
 Кинотеатр «Темп» — обречённый герой труда
 в городе на границе Азии и Европы.

Денис Колчин [Антология, 2018, с. 269]

3. Порой образы прошлого (времен собственной юности) окрашиваются в радужные тона, как в стихотворении Вадима Дулепова:

после зимней скудной пайки
 возликуй, усталый взгляд!
 над исетью сверловчайки
 в лёгких платяницах летят!

Вадим Дулепов [Там же, с. 116]

Мотив родной земли, укорененности в своей земле буквально реализуется в 4-м томе в обилии флористических образов: упомянуты водосбор, горицвет, медуница, анютины глазки, чистотел, луговая герань, колокольчик, мышиный горошек, лютик, пижма [Там же, с. 214], георгины [Там же, с. 353], шалфей, жасмин, репей, полынь, душица, зверобой [Там же, с. 387], ромашка, лебеда, рута, мокрица [Там же, с. 357]. Интересно, что многие из перечисленных растений — «аптечные», лекарственные травы. Для поэтов старшего поколения сад («райский ад», по выражению Константина Комарова [Там же, с. 281]) становится прибежищем, позволяющим выключиться из необратимого бега исторического времени ради вечного круговорота времени природного. Показательно стихотворение Майи Никулиной:

Бежать куда глаза глядят и там
 прийти в себя в заобморочном месте —
 В Уруке, Фамагусте или Фесте —
 уже не тянет и не по годам.
 А тянет помнить и благодарить,
 и отпускные сроки проводить
 в садово-огородной благодати,
 купить шесть соток где-нибудь на Гати,
 а если не получится купить,
 проситься на посуточный постой
 не далее Исети и Сысерти,
 сознательно потворствуя одной
 привычке проживать по месту смерти.

Майя Никулина [Там же, с. 378]

Впрочем, составитель антологии и лидер УПД Виталий Кальпиди не забывает внушить молодым авторам импульс активности. Таковы «Стихи, посвященные

юному челябинскому поэту, решившему стать профессиональным революционером», завершающиеся строфой:

Чтоб сделать выстрел из карандаша,
возьми графит², сдави его до крови,
езжай в Озёрск, придумай УПШ,
и УПШ всегда тебя прикроет.

Виталий Кальтиди [Антология, 2018, с. 226–227]

Сергей Ивкин в стихотворении «От неизвестного отправителя» имитирует письмо от Дяди Фёдора из Простоквашино к маме, иронически обыгрывая тактику эскапизма:

...Пятое поколение мечтающих жить в столице
разродилось шестым, сугубо периферийным.
После того, как я побывал в полиции,
ничего о государстве не говори мне...

Сергей Ивкин [Там же, с. 178]

4. На фоне множества точных топонимов на страницах 4-го тома антологии слово *Москва* не табуировано, но встречается очень редко (три-четыре раза), не чаще, чем Петербург или многие другие города, лишаясь, тем самым, ореола значительности, выделенности. Более того, Юлия Подлубнова пишет: «Дорога “Екатеринбург минус сутки Москва”» [Там же, с. 410], «Омск — вывернутый наизнанку Моск» [Там же, с. 414].

Столица перестала быть бесспорным ориентиром, а сравнение с ней или отталкивание от нее — способом самоидентификации. Горизонты уральской поэзии расширились. В стихотворении «Собиратель следов» Юлии Подлубновой рисуется заснеженный городской пруд в центре Екатеринбурга:

...Посреди городского пруда
никуда не идти,
никуда не идти.
Оглянуться на голос.
Внимательно напряжены
по ту сторону льда
милые глаза
озера Мичиган

Юлия Подлубнова [Там же, с. 415]

² Графит — не только сердечник карандаша, но и материал замедляющих сердечников на атомных электростанциях. Аллюзии на атомную промышленность нередки в уральской поэзии, например, у Евгении Извариной в стихотворении, посвященном Ал. Петрушкину, поэту и культуртрегеру из Кыштыма, есть парадоксальный образ: к урановому лукоморью стая ангелов «не согревая, загребла, согласных в землю — как на волю, обогащённых догола» [Антология, 2018, с. 190]. Здесь речь идет и о смерти-избавлении людей, так и не наживших богатства, и о поэзии, в которой звучат обогащенные (как уран) согласные звуки.

Таким образом, эксперимент УПД можно считать вполне удавшимся. Созданная В. Кальпиди «поэтическая корпорация» не является «кружком» или «салонном», практиковавшимися в светском обществе XIX в., не является дружеским «цехом поэтов» по модели начала XX в. или «литобъединением», характерным для советского времени. Помимо добровольного участия авторов в антологиях, книжных сериях, фестивалях, УПД предполагает большую роль культуртрегеров (в первую очередь, самого В. Кальпиди, но в 4-м томе антологии специальный раздел посвящен еще 18 энтузиастам) и издателей (безусловное лидерство принадлежит М. В. Волковой, чьими стараниями осуществлен целый книжный ансамбль антологий и ряд прекрасно оформленных сопутствующих изданий, а также их популяризация в России и за рубежом, при том, что принципиально реализуется «институт дарения» книг). Понятие культуртрегерства специально оговаривается Кальпиди: «Культуртрегер — это созидатель пространств; человек, имеющий свою стратегию, свою тактику, как культуротворческую, так и экономическую. Культуртрегер не зарабатывает, а тратит» [Антология, 2018, с. 750]. Заслуги культуртрегеров подчеркивает и Т. Ф. Семьян, особенно важно, на ее взгляд, то, что функции культуртрегеров берет на себя не государство, а сами поэты [Семьян].

Для описания природы УПД наиболее подходит, вероятно, акторно-сетевая теория Бруно Латура [Латур]. УПД представляет собой сеть участников (актеров — медиаторов — посредников), связанных ассоциативно, импульсом заинтересованности. По Латуре, культурный объект есть узел отношений, связей, ассоциаций, реализующийся в действии, как перформатив. Каждый из участников лично связан с коллективным действием, переживая персональный опыт взаимодействия. При этом изменяется и сам культурный объект, что доказывается изменением общей атмосферы и концептуальной рамки уральской поэзии от 1-го к 4-му тому антологий. Авторы семинара «Прагматика художественного дискурса» [Пересборка гуманитарных наук...], стремясь применить теорию Латура к гуманитаристике, подчеркивают, что не агент подчиняет себе сеть, а сеть работает на агента, действие создает действующего, а не наоборот. Анна Швец комментирует мысль Ива Ситтона, размышляющего над гуманитарным потенциалом теории Латура, о роли «резонанса» в акторно-сетевом сообществе: «Действие т. о. теперь не только не принадлежит субъекту, а распределено по сети, но к тому же складывается из онтологически неравных по статусу компонентов, которые при этом тесно интегрированы» [Там же, с. 168]. В качестве акторно-сетевого взаимодействия УПД имеет отчетливый социальный смысл, поскольку создаются «в перформативных микропрактиках новые связи и социальные общности» [Там же, с. 170].

Проект УПД, вероятно, можно считать перспективным для современного российского культурного ландшафта. Создаваемая вновь и вновь общность, выходящая за рамки «безымянных сообществ», описанных Е. Петровской [2012], с более структурированной инфраструктурой, чем у «поэтического народа», обитающего в интернет-среде [Аронсон], УПД может рассматриваться как

гражданская инициатива. Участие в поэтическом движении формирует сознательную позицию поэта-издателя-критика, направленную на самостоятельное творчество, без расчета на финансовую, информационную, организационную поддержку «столицы», освобождает от комплекса провинциальной зависимости от «Москвы». В. Кальпиди полагает, что «современная эффективная стратегия — это коллективные акты неповиновения судьбе» [Антология, 2018, с. 10], в том числе — судьбе *провинциального* поэта.

Источники

Антология современной уральской поэзии. 1997–2003 гг. Челябинск : Изд. дом «Фонд Галерея», 2003.

Антология современной уральской поэзии. 2004–2011 гг. Челябинск : Десять тысяч слов, 2011.

Антология современной уральской поэзии. 2012–2018 гг. Челябинск : Изд-во Марины Вольковой, 2018.

Варламов И. Плохой Екатеринбург [Электронный ресурс]. URL: <https://varlamov.ru/1113052.html> (дата обращения: 02.01.2019).

Энциклопедия. Уральская поэтическая школа. Челябинск : Десять тысяч слов, 2013.

Исследования

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000.

Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопозитики : учеб. пособие. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012.

Абашева М. П. Писатель «здесь и сейчас» (территориальная идентичность современных уральских литераторов: пермяки и екатеринбуржцы) // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / под ред. Л. О. Зайонц. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 329–350.

Аронсон О. Народный сюрреализм. Заметки о поэзии в Интернете [Электронный ресурс] // Синий диван. 2006. Вып. 8. URL: <http://ie4em.ruthenia.ru/author/92248/> (дата обращения: 19.01.2019).

Бушмакина О. С. Конструирование социальной реальности в структурах памяти // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 26–32.

Галимова Е. III. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы [Электронный ресурс] // Вестн. Сев. (Аркт.) федер. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. URL: https://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf (дата обращения: 19.01.2019).

Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц, сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Замятин Д. Н. Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / под ред. К. В. Анисимова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010. С. 7–26.

История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / глав. ред.: В. В. Блажес, Е. К. Созина. М. : Языки славянской культуры, 2012.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. (Сер. «Социальная теория»).

Лотман Ю. М. Символические пространства // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Litres, 1996.

Меднис Н. Е. Вопросы изучения «городских» текстов русской провинции [Электронный ресурс] // Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : Изд-во НППГУ, 2003. URL: <https://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835> (дата обращения: 19.01.2019).

Милюкова Е. В. «Около железа и огня»: картина мира в текстах самостоятельной поэзии южного Урала // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц, сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 624–644.

Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22/html> (дата обращения: 19.01.2019).

Пересборка гуманитарных наук с Бруно Латуром // Транслит. 2018. № 21. С. 164–178.

Петраков И. Провинциальный город как метатекст русской литературы [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/p/petrakow_i_a/prowincialxnyjgorodkakmetatekst.shtml (дата обращения: 19.01.2019).

Петровская Е. Безымянные сообщества. М. : Фаланстер, 2012.

Поддубнова Ю. С. Поэтика трансформаций в современной поэзии Урала // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2015. № 3 (142). С. 117–128.

Поддубнова Ю. С. Условная река абсолютной любви. К выходу 4 тома антологии современной уральской поэзии [Электронный ресурс] // Знамя. 2018. № 10. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7057> (дата обращения: 19.01.2019).

Попова Е. А., Шурупова О. С. Московский и провинциальный сверхтексты русской литературы в произведениях современных авторов // Вестн. ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. 2014. № 3. С. 41–43.

Потанина Л., Гололобов М. А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1(7). С. 32–37.

Сафронова Е. Современная уральская поэзия: антология [Электронный ресурс] // Знамя. 2012. № 12. URL: magazines.russ.ru/znamia/2012/12/s19.html (дата обращения: 19.01.2019).

Семьян Т. Ф. Уральская поэзия как региональный феномен [Электронный ресурс] // Материалы Третьего Международного интеллектуального форума «Чтение на евразийском перекрестке» (Челябинск, 24–25 сентября 2015 г.) / ред.-сост. В. Я. Аскарова. Челябинск : ЧГАКИ, 2015. С. 55–58. URL: http://kultura174.ru/Publications/RussLit_section_1/OnPrint?id=7147 (дата обращения: 19.01.2019).

Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / под ред. К. В. Анисимова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010.

Стивак М. Я. «Провинция идет в регионы»: О некоторых особенностях современного употребления слова провинция // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц, сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 503–518.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб. : Искусство—СПБ, 2003.

Тюна В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сиб. филол. журн. 2002. № 1. С. 27–35.

Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX — начала XX века. Тюмень : Изд. Тюмен. ун-та, 2005.

References

Abashev, V. V. (2000). *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a Text. Perm in 20th Century Russian Culture and Literature]. Perm: Perm State University. (In Russian)

Abashev, V. V. (2012). *Russkaia literatura Urala. Problemy geopoetiki: ucheb. posobie* [Russian Literature of the Urals. Issues of Geopoetics: A Handbook]. Perm: Perm State National Research University. (In Russian)

Abasheva, M. P. (2004). Pisatel' "zdes' i seichas" (territorial'naia identichnost' sovremennykh ural'skikh literatorov: permiaiki i ekaterinburzhtsy) [The Writer "Here and Now" (the Territorial Identity of Modern Ural Writers: Permians and Yekaterinburgers)]. In L. O. Zajonc (Ed.), V. V. Abashev, A. F. Belousov, & T. V. Tsivian (Comps.), *Geopanorama russkoi kul'tury. Provintsiia i ee lokal'nye teksty* [The Geopanorama of Russian Culture. Province and Its Local Texts] (pp. 329–350). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Anisimov, K. V. (Ed.). (2010). *Sibirskii tekst v natsional'nom siuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Storyline Space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russian)

Aronson, O. (2006). Narodnyi siurrealizm. Zametki o poezii v Internetе [Popular Surrealism. Notes on Poetry on the Internet]. *Sinii divan*, 8. Retrieved from <http://ie4em.ruthenia.ru/author/92248/>. (In Russian)

Blazhes, V. V., & Sozina, E. K. (Eds.). (2012). *Istoriia literatury Urala. Konets XIV — XVIII v.* [History of the Literature of the Urals. Late 14th — 18th Centuries]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Bushmakina, O. S. (2009). Konstruirovaniye sotsial'noi real'nosti v strukturakh pamiati [Constructing Social Reality in Memory Structures]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 1, 26–32. (In Russian)

Ertner, E. N. (2005). *Fenomenologiya provintsii v russkoi proze kontsa XIX — nachala XX veka* [The Phenomenology of the Province in Russian Prose of the Late 19th — Early 20th Centuries]. Tyumen: Tyumen University Press. (In Russian)

Galimova, E. Sh. (2012). Severnyi tekst v sisteme lokal'nykh (gorodskikh i regional'nykh) sverkhstekstov russkoi literatury [Northern Text in the System of Local (Urban and Regional) Supertexts of Russian Literature]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. Retrieved from https://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf. (In Russian)

Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-network Theory] (I. Polonskaya, Trans.). Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (1996). Simvolicheskie prostranstva [Symbolic Spaces]. In Yu. M. Lotman, *Vnutri myslivshchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside Thinking Worlds. A Man — A Text — Semiosphere — History]. Moscow: Litres. (In Russian)

Mednis, N. E. (2003). Voprosy izucheniia "gorodskikh" tekstov russkoi provintsii [Issues of Studying the "Urban" Texts of the Russian Province]. In N. E. Mednis, *Sverkhsteksty v russkoi literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: NPGU Press. Retrieved from <https://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835>. (In Russian)

Milyukova, E. V. (2004). "Okolo zheleza i ognia": kartina mira v tekstakh samodeiatel'noi poezii iuzhnogo Urala ["Around Iron and Fire": The Worldview in the Texts of Amateur Poetry of the Southern Urals]. In L. O. Zajonc (Ed.), V. V. Abashev, A. F. Belousov, & T. V. Tsivian (Comps.), *Geopanorama russkoi kul'tury. Provintsiia i ee lokal'nye teksty* [The Geopanorama of Russian Culture. Province and Its Local Texts] (pp. 624–644). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Nora, P. (2005). Vsemirnoe torzhestvo pamiati [The Global Triumph of Memory]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2–3. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22/html>. (In Russian)

Peresborka humanitarnykh nauk s Bruno Laturom [Reassembling the Humanities with Bruno Latour]. (2018). *Translit*, 21, 164–178. (In Russian)

Petrakov, I. *Provintsial'nyi gorod kak metatekst russkoi literatury* [Provincial City as a Metatext of Russian Literature]. Retrieved from http://samlib.ru/p/petrakow_i_a/provincialnyjgorodkak-metatekst.shtml. (In Russian)

Petrovskaya, E. (2012). *Bezymiannnye soobshchestva* [Nameless Communities]. Moscow: Falanster. (In Russian)

Podlubnova, Yu. S. (2015). Poetika transformatsii v sovremennoi poezii Urala [The Poetics of Transformation in Contemporary Ural Poetry]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 17, 3 (142), 117–128. (In Russian)

Podlubnova, Yu. S. (2018). Uslovnaia reka absoliutnoi liubvi. K vykhodu 4 toma antologii sovremennoi ural'skoi poezii [A Conditional River of Absolute Love. To the Publication of the Fourth Volume of the Anthology of Modern Ural Poetry]. *Znamia*, 10. Retrieved from <http://znamlit.ru/publication.php?id=7057>. (In Russian)

Popova, E. A., & Shurupova, O. S. (2014). Moskovskii i provintsial'nyi sverkh teksty russkoi literatury v proizvedeniakh sovremennykh avtorov [Moscow and Provincial Supertexts of Russian Literature in the Works of Contemporary Authors]. *Vestnik VGU: Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 3, 41–43. (In Russian)

Potantina, L., & Gololobov, M. A. (2012). Gorodskoi tekst kak teoreticheskaia problema [Urban Text as a Theoretical Problem]. *Filologicheskaya regionalistika*, 1(7), 32–37. (In Russian)

Safronova, E. (2012). Sovremennaya ural'skaya poeziya: antologiya [Modern Ural Poetry: An Anthology]. *Znamia*. Retrieved from magazines.russ.ru/znamia/2012/12/s19.html. (In Russian)

Semian, T. F. (2015). Ural'skaya poeziya kak regional'nyi fenomen [Ural Poetry as a Regional Phenomenon]. In V. Ya. Askarova (Ed.), *Materialy Tretiego Mezhdunarodnogo intellektual'nogo foruma "Chtenie na evraziiskom perekrestke" (Chelyabinsk, 24–25 sentyabrya 2015 g.)* [Materials of the Third International Intellectual Forum "Reading at the Eurasian Crossroads" (Chelyabinsk, September 24–25, 2015)] (pp. 55–58). Chelyabinsk: ChGAKI. Retrieved from http://kultura174.ru/Publications/RussLit_section_1/OnPrint?id=7147. (In Russian)

Spivak, M. Ya. (2004). "Provintsiya idet v regiony": O nekotorykh osobennostiakh sovremennoy upotrebleniya slova *provintsiya* ["The province goes to the regions": On Some Features of the Modern Use of the Word *провинция*]. In L. O. Zajonc (Ed.), V. V. Abashev, A. F. Belousov, & T. V. Tsivian (Comps.), *Geopanorama russkoi kul'tury. Provintsiya i ee lokal'nye teksty* [The Geopanorama of Russian Culture. Province and Its Local Texts] (pp. 503–518). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Toporov, V. N. (2003). *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [St Petersburg Text of Russian Literature]. St Petersburg: Iskustvo–SPb. (In Russian)

Tyupa, V. I. (2002). Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoi literatury [The Mythologem of Siberia: On the Issue of the "Siberian Text" of Russian Literature]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 1, 27–35. (In Russian)

Zajonc, L. O. (Ed.), Abashev, V. V., Belousov, A. F., & Tsivian, T. V. (Comps.). (2004). *Geopanorama russkoi kul'tury. Provintsiya i ee lokal'nye teksty* [The Geopanorama of Russian Culture. Province and Its Local Texts]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Zamyatin, D. N. (2010). Strela i shar: vvedenie v metageografiu Zaural'ia [The Arrow and the Ball: An Introduction to the Metageography of the Trans-Urals]. In K. V. Anisimov (Ed.), *Sibirskii tekst v natsional'nom siuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Storyline Space] (pp. 7–26). Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russian)

Барковская Нина Владимировна

доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
и методики ее преподавания
Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: n_barkovskaya@list.ru

Barkovskaya, Nina Vladimirovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Literature and Methods
of Its Teaching
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave.,
620017 Yekaterinburg, Russia
Email: n_barkovskaya@list.ru
ORCID: 0000-0001-9131-5937
Researcher ID: G-6911-2018
Scopus ID: 57194500392